

Вячеслав Лютый

Вячеслав Лютый – заместитель главного редактора журнала «Подъём». Автор книг о современной литературе «Русский песнопевец» (2008), «Терпение земли и воды» (2011), «Сны о любви и верности» (2014), «Предназначение» (2022). Лауреат премии журналов «Подъём», «Русская речь», «Русское эхо», «Аргамак», премии Общественной Палаты Воронежской области «Живые сокровища славянской культуры», общероссийской премии по литературной критике «Русское эхо», премии Союза писателей России «Слово-2017», премии «Кольцовский край», Международной литературной премии «Югра». Лауреат сайта «Российский писатель» (трижды), газеты «День литературы». Награждён медалями им. В. М. Шукшина, Ф. И. Тютчева, И. А. Бунина. Секретарь Правления Союза писателей России, председатель Совета по критике Союза писателей РФ. Живёт в Воронеже.

ОТ ЖИТЕЙСКОГО К ДУХОВНОМУ

Одинокий русский человек в прозе Игоря Изборцева

Современный человек – существо одинокое. И речь здесь совсем не об одиночестве духовном, потаённом, которое невозможно до конца хоть кому-нибудь высказать, а об одинокое присутствие человека в мире, в житейском пространстве, в котором, кажется, и знакомые лица, и привычный распорядок часов, минут и забот способны вписать одинокую душу в окоём повседневности. Но что-то сломалось в устройстве нашего мира, и гнетущая, непреодолимая как будто оставленность – людьми, смыслом жизни, самим содержанием происходящего вокруг – терзает сердце нашего современника необъяснимо и постоянно. Здесь можно завести разговор о богооставленности человека нового времени – это будет логично и обосновано многими вещами, о которых мы часто просто забываем или легкомысленно о них не думаем. Но чувство личной богооставленности в мире приходит к человеку уже после того, как он ощутит себя включённым в некое общее целое, когда, привычно обретаясь в его рутине и вписывая своё присутствие в повседневный жизненный уклад, и станет, и осознает себя некой частью этого единого миропорядка.

Современная русская проза не очень-то погружается в обозначенную тему. Как правило, её более интересует – и в конечном счёте это правильно – соразмерность человека его задачам, соединённость с Богом и понимание собственного индивидуального духовного долга, о котором важно помнить в ежедневном течении дня и ночи. Но как быть с мгновениями реальной жизни, в которой так много случайного, печального и радостного – она составляет непрерывный поток, и из него нельзя самовольно «выпрыгнуть», остаётся только соединять себя с ним, принимая одно и отвергая другое. Такое житейское понимание одиночества, которое правильнее назвать *одинокостью*, сегодня чрезвычайно распространено, его проявления часты и многообразны и нуждаются в художественном внимании и реальном обозначении. Потому что первый шаг в постижении большого и общего заключается в естественной попытке вписать свою жизнь в контекст происходящего с людьми, с их памятью и чувством долга; с их обществом, в котором невидимыми нитями соединены родные и чужие, старики и дети; с эпохой, где всё норовит взаимно разладиться, но сохраняется по великой надмирной милости и смыслу...

Проза Игоря Изборцева¹ как нельзя лучше подходит для спокойного осмысления так странно сложившегося положения вещей. В его повестях и больших рассказах читатель сталкивается с палитрой стилей. Скажем, один сюжет берёт в качестве «творческого инструмента» постмодернистское смешение событий, логики, картин действительности и даже соразмерности плотных материальных

¹ Изборцев И. А. Сильнее бурь: повести, рассказы. Санкт-Петербург: Первый ИПХ: Литературный фонд «Дорога жизни», 2021.

предметов. Погружая читателя в советское мироустройство в «Чудесах болотных», автор, кажется, взламывает заведённый социальный распорядок, привнося в происходящее элемент фантазмагии и волшебства, и как будто показывает, что у знакомого мира есть параллельный объёмный отпечаток, где существуют свои законы и пути совмещения привычного и странного. Реальность словно «плывёт» под пером писателя... И читатель, изумлённый таким преобразованием осязаемого и почти стёртого в повседневности, начинает воспринимать прошлое уже не в качестве конструкции, заведомо рациональной и жёстко мотивированной, но – как прежний мир, очень важные и подчас фантастические свойства которого были упущены, оставлены без внимания. Существенно, что главный герой повести – подросток, и во многом именно потому способность окружающего пространства менять себя, принимать какие-то новые удивительные формы не кажется искусственной, вычурной, похожей на проделки либерального пера, склонного всё серьёзное превращать в пошлое или амикошонское. Мальчишка начинает свято верить в возможности собеседника-незнакомца влиять на происходящее, у него появляется своя тайна, душа устремляется в удивительное и прежде невообразимое. Он почти поднимается над пыльной землёй, забывая о жёстких правилах, принятых однажды и непререкаемых. Он теперь не один, хотя как сложится его последующая судьба, можно только догадываться. Но здесь важнее сам случай, прецедент, тот чудесный рубежный момент, когда мир предстаёт в неожиданном ракурсе, а одинокое существование отменяется решительно и навсегда.

В повести «Всего лишь пепел» центральный герой предлагаемой истории – фигура малоприятная. Это милицкий начальник Пузынёв, возомнивший себя вершителем судеб окружающих его людей и стремящийся переустроить социальное пространство по своему усмотрению. Он изначально одинок – как бывает одинок духовный отщепенец, для которого все вокруг представляются только «условно живой» мебелью, инертными вещами, в разной мере пригодными для использования: их позволительно передвинуть, отменить или даже уничтожить без лишних сомнений. Подобное душевное наполнение его с течением дней приобретало всё более устойчивую форму, что делало Пузынёва нетерпимым ко всякому иному человеческому правилу. Отчего-то его необъяснимо оскорбляло строительство храма неподалёку от личного особняка, все силы свои он старался положить на то, чтобы ни прихода православного, ни церкви рядом не было. Безумная логика и ненависть по отношению к соседям, людям русским и православным – подвигла его на клевету. Будь он человеком иного рода-племени, хоть какое-то объяснение можно было бы дать его немотивированной злобе. Но он – здешний, укоренённый в земле, по которой ходили его предки. И потому – нравственный изгой, человек, сам себя загнавший в социальную и психологическую ловушку, определивший собственному существованию путь одинокий, самонадеянный и... окаянный. Все злокозненные предприятия Пузынёва рушатся: уходит жена, православная прихожанка, вызванный им ОМОН пропадает в храме, не ведая часов и минут, пребывая в каком-то нездешнем времени. Претерпевает крах план воцариться на малой окрестной местности, предстать вершителем судеб простых смертных – в определённом смысле даже и его подданных, которым и слова в простоте и чести сказать было бы не позволено. В итоге он остаётся в пространстве сугубо одиноким: исполняя обязанности простого санитара в психиатрической лечебнице, Пузынёв старается быть полезным и внимательным, находя в таком служении своеобразный уход от личной пустоты. И получает здесь то, чего ему так не хватало прежде, – чувство, что и он кому-то не только нужен, но необходим.

Два персонажа «романа в письмах по e-mail» с названием «Великий» сначала кажутся очень похожими друг на друга. Филологическая игра на фоне деталей биографии И. С. Тургенева сводит обоих в электронной переписке, где выстраиваются предсказуемые параллели с далёким прошлым, возникают подробности чужих биографий. В своих виртуальных посланиях каждый из собеседников хочет хоть в чём-то соприкоснуться с русским классиком и его героиней, походить на них. Однако писатель-дубль по мере развития этой истории выглядит всё более поддельным, не совпадающим со своим выдающимся литературным образцом. Тогда как дубль-героиня, поступательно двигаясь в сторону реальности и принимая людей со всеми их недостатками и достоинствами, кажется, воплощается. Уходя от сухой интеллектуальности и вслушиваясь в биение собственного сердца, она обретает плоть и кровь, в ней просыпается доброта и участливость, а сухость ума и сентиментальная фантазия исчезают из переписки окончательно.

Героиня-дубль трагически погибает от хулиганского удара ножом. Дубль-писатель, и ранее не чуравшийся плагиата, готовит к изданию роман в письмах, в котором не забывает представить себя художником основательным и вдохновенным. Но, не дождавшись выхода книги в свет, умирает при неясных

обстоятельствах. Главный бенефициар – издательство, предлагая читательской аудитории названное произведение, оно характеризует автора как фигуру великую...

Что ж, нынешние книжные дома либерального толка склонны каждого лилипута «вытягивать» в Гулливера. Однако важно подчеркнуть мысль, существенную для произведения Игоря Изборцева: фальшивый сочинитель ушёл в смерть, как в одинокое и безотрадное путешествие, а героиня, сливаясь со своим классическим прототипом, выбрала мир подлинной жизни – тёплый, отзывчивый и жертвенный.

Стоит заметить, что с уходом персонажей от душевной молекулярности, *одинокости* зримо изменяется литературное письмо автора. В повести «Всего лишь пепел» сама фактура текста в какой-то степени отсылает читателя к булгаковской фантазмагории. В «Великом» рафинированный стиль высказывания начитанных собеседников постепенно становится более прозрачным и этически определённым. По мере удаления литературных героев Изборцева от житейской пропасти и приближения к чаемому единению с чем-то бóльшим, чем каждый из них, – и даже на удивление очевидным, авторская речь приобретает яркую и естественную выразительность, не теряя при том прозрачности изображаемых картин и состояний.

В рассказе «Свадьба» происходят события почти обыденные – живописуется свадебный пир на современный лад в деревне. Как будто всё теперь иначе на первозданной крестьянской русской земле: и обычаи позабыты, и хлебосольное гостеприимство стало в какой-то степени выборочным, и песни современные поются так, что с души воротит... Ушла традиция, забылась красота, потеряно значение многих обрядов и правил. Престарелого Ивана Васильевича за праздничный стол не пригласили, но любопытство заставило старика забраться в густой кустарник на улице и внимательно наблюдать за происходящим. И примечательно, что все описанные ухарства сельских обывателей, отличавшихся непредсказуемым поведением, не кажутся особенно яркими – в них бурлит только эмоция, подкреплённая водкой, а это не новость, примеров подобных множество. Но вот отпела молодёжь нынешние шлягеры с дрянными словами, отплясали гости положенное, и завели старики и молодые прежние песни, в которых душа и судьба не отворачиваются друг от друга, а сливаются во что-то одно, родное, никем и никак не делимое... Пусть казалось старику, что выглядит он нелепо в своём укрытии и что происходит всё положенное совсем не так, как должно. Но сошла короста текущего порченого дня – и обратилась душа одинокая, о том даже и не подозревающая, к знакам родовым, к символам объёмным, к бессознательному единению старого и молодого, минувшего и наступающего. К тому, что роднит одного русского человека с другим. Увиделось в этом глубинном родстве самое важное, что не позволено стереть никакому самоуверенному новому времени.

«Помни последняя своя...» – так называется проникновенный рассказ автора, в котором происходит слияние одинокого бытия человека с одиночеством его души и возникает долгожданный выход в то высокое духовное пространство, где все другие этапы возрастания личности становятся только небольшими отрезками тернистого душевного пути. Панорама колоритных фигур наполняет сюжетный объём текста, у всякого персонажа здесь своя примечательная черта характера или обыкновения. Но поверх имён и лиц присутствует в рассказе старик Мармеладыч, многие годы обретающийся на паперти храма. Его словам присуще совсем другое измерение – не житейское, в котором пребывают практически все остальные. Причём сама художественная ткань повествования – очень ёмкая по ассоциациям, по привлечению в прозаическую «живопись» суждений скрытых, вовсе не наглядных. Образность авторской речи, широта взгляда на самое ощущение жизни сообщают произведению особенное обаяние и изобразительную полноту. Рассказ может быть назван одним из лучших в творчестве Игоря Изборцева – так или иначе он подводит видимую черту перед проблематикой, которая исподволь обозначила себя в томе прозы «Сильнее бурь».

Русский человек теперь почувствовал себя не одиночкой, а живым, деятельным сыном своей земли. Это роковые события последних полутора лет прояснили его ум, настроили сердце, дали слова, которые он может говорить весомо и безбоязненно. Но хочется верить, что настоящая, честная проза наших писателей, в течение долгого времени отчуждённая от массового читателя, всё-таки непостижимым образом проникала в общественное сознание, делая в нём важные и необходимые «поправки», обозначая место, на котором стоит сегодня русский воин, – как родную почву.

Так мы восстанавливаем память рода и непрерываемость нравственного завета – двигаясь от житейского к духовному, постепенно находя в себе глубинные скрепы, значимые для стариков, отцов и детей. А литература наша, вглядываясь в современника, помогает ему понять себя не предвзято и не лукаво...